

Геннадий Колодкин

ОДЕРЖИМОСТЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Геннадий Колодкин
Одержимость

https://litres.ru/74955693
SelfPub; 2026

Аннотация

Существовала традиция, согласно которой новичку в бригаде присваивалось прозвище. Клички отличались изощренным многообразием:

Толстый, Кабан, Пузановский, Лохматый, Придурок, Рыжий, Жирный, Старый, Фома, Е-козел, Хитрый Лис, Леопольд, Удод, Пузырь, Гусь, Аполлон, Челентано, Поплавок

«Пусто-один» — кличка, принадлежавшая мастеру. В пору, когда наш мастер еще был слесарем, его правый глаз пострадал от осколка разбиваемого кувалдой подшипника. И вот теперь на месте глаза красовался стеклянный протез.

Изобретались сии причудливые именные формы исходя из едва уловимых внешних либо внутренних признаков. Моя кликуха сложилась не сразу, а по истечении времени. Потребовалось, чтобы чумазый народ ко мне присмотрелся. «Гимназист» — таким теперь было мое имя. Но чаще ко мне обращались проще — Генас.

Геннадий Колодкин
Одержимость

ОДЕРЖИМОСТЬ
Дневник

Геннадий Колодкин

Перестройка! Перестройка! Я уж перестроилась:
у соседа НИИ большой - я к нему пристроилась!
(Фольклор)

Год 1989

1.

АВТОКОЛОННА 1686. Ее знали волгоградские водители как «Дикую дивизию». Это название шло от простейшего факта: в прежние времена директором автопредприятия был осетин.

В 1989 году я трудился на этом предприятии в должности слесаря по ремонту автомобилей КамАЗ. Мой табельный номер значился под цифрой 537.

К моменту моего появления в этих прокопченных дизельной гарью стенах за текущий год сменился четвертый мастер. Последний, заметить нелишне, уволился поспешно, без от-

работки.

Из почитаемых лиц тут значились только «папа» (иначе — директор) и бригадир. Начальники иных рангов для нас, слесарей, как бы отсутствовали.

Существовала традиция, согласно которой новичку в бригаде присваивалось прозвище. Клички отличались изощренным многообразием:

Толстый, Кабан, Пузановский, Лохматый, Придурок, Рыжий, Жирный, Старый, Фома, Е-козел, Хитрый Лис, Леопольд, Удод, Пузырь, Гусь, Аполлон, Челентано, Поплавок…

«Пусто-один» — кличка, принадлежавшая мастеру. В пору, когда наш мастер еще был слесарем, его правый глаз пострадал от осколка разбиваемого кувалдой подшипника. И вот теперь на месте глаза красовался стеклянный протез.

Изобретались сии причудливые именные формы исходя из едва уловимых внешних либо внутренних признаков. Моя кликуха сложилась не сразу, а по истечении времени. Потребовалось, чтобы чумазый народ ко мне присмотрелся. «Гимназист» — таким теперь было мое имя. Но чаще ко мне обращались проще — Генас.

Кличка закрепляется, и ты уже становишься носителем идентификационного образа через ярлык. Твоя человеческая сущность остается сугубо твоим достоянием, окружающих же удовлетворяет твой лейбл. Так для коммуникации проще. Это часть модификации окружающего мира посредством отсечения его частных подробностей.

Итак, «Гимназист» — я повторяюсь, это был мой отличительный знак, мое второе от рождения имя, которое возникло в атмосфере тучных запахов среди тяжелых грузовиков. Имя, в котором вибрировала явственно и слышалась даже глухому слабо сдерживаемая неприязнь к чужаку.

Спросите, за какие грехи? Да все закономерно и справедливо. В бригаде я был единственным слесарем с высшим инженерным образованием. Людям без диплома, я подмечал, бывает сложно выстраивать отношения с «альбиносами» типа меня. Людей можно понять. Подобные мне индивидуумы вносят дискомфорт в чужое вялотекущее бытие.

2.

МИСТИКА.

Я смотрю на числа: 1989 и 1686... Вам, читатель, это соседство о чём-то говорит? Вряд ли. Зато меня толкает на забавную импровизацию.

Если в первой группе цифр перевернуть девятки, то обе группы приобретут внешнюю схожесть:

1689 — 1689.

Совпадение? Нечто мистическое. Я человек несуеверный, и в данной ситуации — без комментариев. Для меня это стихийное обстоятельство, случайное совпадение.

3.

ГОД 1989 ознаменовался моим появлением в автоколон-

не 1686. Я - специалист с дипломом инженера - вдруг очутился в среде простых работяг. Это выглядело явлением белой вороны средь воронья. Факт аномальный и к тому же дерзкий. Я был не в своей тарелке, как в таких случаях говорят. Ощущал себя недоразумением в чужой среде. Идея чужести витала в воздухе гаража. Ее ощущали все: как я сам, так и мои сослуживцы.

Кто такой я? Бывший инженер. Бывший руководитель производства. Вчерашний журналист. Личность с творческими амбициями. Романтик среди прагматиков. Словом - чудак еще тот. Искатель приключений на свою задницу. К тому же неисправимый мечтатель.

В довершение всего, я не предал забвению прежние намерения. Что выглядит вдвойне неуместно. Облачившись в новый социальный статус и продолжая упорствовать, я в свободное от работы время продолжаю практиковать фотографию.

Фотография для меня - инструмент познания мира. Как телескоп для астронома. Или микроскоп для ботаника. Но это совсем не та фотография, представление о которой имеет подавляющее большинство людей. Это другая. Иная. Мной открытая. Это МОЯ фотография.

«Дурная голова ногам покоя не дает» - сказано про меня. И только выпадает свободный денек-другой, как я практикую черно-белое ремесло. Фотографию трудно не любить. Искусством фотографии невозможно пресытиться. Особен-

но, если фотография - твоя вторая натура.

4.

В ПЕРЕРЫВЕ я и Колька *Толстый* курим в беседке. Точно голубки на карнизе, мы сидим на спинках лавочек, свесив увесистые башмаки.

Когда о сокровенном думаешь, непременно стоит болтать ногами. Так поступают дети. Так полезно для ног. Ягодичные «бицепсы» массируются ритмично.

Ритм способствует процессу умозаключения. К тому же ускоряется рабочее время. Рабочее время всегда против нас. И ритм его как бы спрессовывает.

Уплотненное время занимает меньший объем в пространстве. Это уже Альберт Эйнштейн. Его теория относительности. С евреями не поспоришь. Короче, время бывает разное. Время, которое *мое*, волнует меня.

Мы, люди, с момента рождения автоматически включены во всеобщий Регламент, где есть одно условие: делай как предписано, и ты получишь возможность просуществовать относительно комфортно такой-то промежуток времени; если твой ответ «нет», скрытый механизм остановит Программу, и предоставленный тебе временной отрезок скукожится.

Программу невозможно изменить. И мы, благоразумные представители животного царства планеты Земля, из поколения в поколение выбираем одно и то же: то, что нам подсказывает наш животный инстинкт. Мы соглашаемся на

жизнь не по собственным правилам. Но, согласившись жить по правилам, придуманным другими людьми, мы унаследуем вместе с тем *несвободу*. И, обретя зависимость, мы скоро начинаем задумываться, как эту преграду перехитрить.

Так рождается действо, которое люди называют творчеством. Творчество есть попытка перешагнуть Черту. Кто однажды эту незримую линию преодолел, тот меня услышит.

Вместе с творчеством пробуждается вторая жизнь индивидуума. Рождается второе «я». Как вторая сущность. Две субстанции начинают параллельное существование. Некий симбиоз. Так среди людей обыкновенных появляются *сложные* люди.

5.

ВОСПРИЯТИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, когда находишься на нижних этажах социума, гораздо запутаннее для ума, чем когда ты обитаешь на верхних уровнях человеческого термитника. В низинах человеческого сообщества образ происходящего замутнен, выглядит нечетким. Это слишком животрепещущее и неоформленное впечатление от прямого контакта с реальностью. И нет под рукой трафаретов из слов, чтобы описать *это,* ибо такие исследования никто там не проводит, там практически нет исследователей.

Но главное даже не в том. Всякий, даже самый непредвзятый наблюдатель, здесь пребывает внутри живой событийности, калейдоскопически мельтешащей перед его умствен-

ным взором. Большое видится на расстоянии, но не в данном случае. Не в варианте с мерцающей перед глазами картинкой жизни.

Пролетарий не способен описать свои чувства не потому, что ему недостает аналитических навыков, а по причине, что образ реальности, если смотреть на него с *позиции низа и глазами низа*, невообразимо засорен подробностями и потому расхожим литературным методикам недоступен.

Этажами повыше та же картинка выглядит проще и благообразнее, и потому там у сочинителей легче прорезается повествовательный дар. И оттого только там и обитает пишущая многоликая братия. Но пишут они уже о другом.

6.

- СПИШЬ В ОГЛОБЛЯХ! - напарник вернулся. Перерыв окончен. Николай поглядывает на часы. Я подхватываю инструментальный набор под мышку:

- Пошли работать? - как бы интересуюсь, проявляя рабочий энтузиазм.

- Иди - работай, - парирует Николай. - Ты ведь знаешь, как я люблю работать.

Это юмор. Такой прикол. Под словесными знаками всегда прячется второе дно. Главное всегда в тени. Вот почему существует фраза «читать между строк». Работу же Колька Толстый знает получше меня. Практически я у него как стажер.

В гараже наша бригада расходится по рабочим точкам. Бригадир отдает слесарям напутственные распоряжения.

- Мишка, есть такой болт? - Колька Толстый демонстрирует перед Кормилкиным смятый болт.

- Да откуда у нас, - пожимает плечами Мишка Кормилкин. На лице Толстого озабоченность. Придется обращаться к Фомичу.

ФОМИЧ. Кличка Старый. Токарь. Старый пьяница. Способен работать в сильнейшем опьянении. Скоро на пенсию. Сетует на пустую судьбу, жалуется на собственных детей. Трезвый - стеснителен. Трезвый от станка не отходит. Больной - глотает горстями таблетки. Когда выпьет, начинает со всеми ругаться и всех материть.

Есть у меня такой болт, - подкалывает Кольку слесарь по кличке Сачок, - но он у меня собственный, и стоит три рубля.

Колька Толстый отправляется в токарку к Фомичу. Похоже, это надолго. Пока найдет Фомича, пока Фомич выточит болт. Меня он оставляет «за старшего». Мне придется себя чем-то занять. Благо, моя зарплата от производственных мелочей не зависит.

И я обращаюсь к секретной записной книжице, что покоится в моем нагрудном кармане: так я собираю впрок сырец-материал жизненных наблюдений.

7.

ДЯДЯ ФЕДОР. Кличка - Сачок.

Лишен водительских прав за пьянку. Когда выпьет, совсем не хочет работать.

В деревне у его деда свой дом, где они выращивают ранние помидоры - деньги есть. Лучшие времена - когда он работал на ЗИЛе и имел левые доходы: продавал частникам уголь, помогал браконьерам и т.п.

Большой любитель выпить: если начинает, то пока не упадет. Постоянно бросает курить и пить (не пьет уже два часа). Имеет кооперативную четырехкомнатную квартиру, скоро заимеет вторую - на деда. Мечтает купить «Жигули». Работяга, но к работе относится безразлично, если нет выгоды для себя.

Блядует только по пьянке, трезвый лебезит перед женой. Он постоянно виноват перед ней, потому что пьет. Увлечений никаких. В игры не играет. Как выпьет стопку, начинает брать деньги взаймы (чтобы добавить).

Ворует все, что плохо лежит. Хозяйственный мужичок - все тащит под себя. Благородных целей нет, и не ведает, что этакое бывает.

Зимой отморозил руки: шесть флаконов водяры - пока добежал (по три штуки в каждой руке).

КАК-ТО я общался с Климом Скоковым, журналистом газеты «Вечерний Город», и вот что мне запало в память из разговора:

«Совки» (бывшие советские люди) – обезволенные существа, вскормленные коллективистской неправдой и научив-

шиеся «лучше всех в мире» (расхожая фраза советских лет) воровать. Что представляет собой наш теперешний гражданин? Одно его полушарие травмировано серпом и молотом, второе заполнено обрывками капиталистической мечты, которую сам постсоветский гражданин для себя и выдумал. Интеллектуальный калека – инвалид – вот каков он; ему, по-хорошему, пособие по инвалидности, прямо скажем, положено.

«Временами к Сачку на работу наведывается его родной брат. Какие-то у них тут дела. Кличка брата – Дихлофос. Его так все называют», - поделился информацией Колька Толстый:

«У него горбатый «Запор» («Запорожец»). Все на ручной сварке! Под КрАЗ (лоб в лоб) залез, аж мост передний грузовику вынес! И своим ходом из под КрАЗа выехал! Да еще с претензией к водиле: «Дескать, давай, мужик, разъедемся без милиции».

8.

МОЯ ФОТОГРАФИЯ.

Это - *фотографическая техника*, благодаря которой мне удается «проникать» в ЧУЖИЕ миры. Удивительное! Сильное впечатление! Некий *субъективизм* на основе реальности.

Природу феномена я почти понимаю, для себя любимого обосновал. И это мое открытие.

Я обнаружил замечательный инструментарий, который без труда обнажает скрытые моменты человеческих эго, «расщелкивает», словно скорлупу ореха, чужие затаенные сущности.

«Читать» людей - это как читать правдивые книги. Я научился взламывать чужие ментальные «сейфы», а доступность методики меня вдохновила.

Подчиняясь зову увлеченности, я в досужие часы продолжаю экспериментировать. Приглашаю на фотографические сеансы обычно знакомых. Выборочно, избирательно, не всех желающих, а тех, на кого я настроен, о ком я думал.

В мыслях проникаюсь в воображаемый образ модели. Подолгу и порой изнурительно портретирую. В процессе *чувственно* «всматриваюсь» (вроде я экстрасенс) в чужую потаенную сущность. Вхожу в некий ментальный унисон с портретируемым. Резонируя, ощущаю живой контакт.

Реальное ощущение. Тончайшая материя связей. Настоящий ментальный тандем. Я его ощущаю. В него погружаюсь. Через него происходит мое *управление*. Модель сопротивляется. Модель включается в ИГРУ через какое-то время. Процесс запущен. Модель не сопротивляется. Модель начинает мне *подчиняться*. Я формирую ее внутреннее состояние. Навязываю свою волю. В такой момент я - скульптор, который из камня высекает задуманное.

Мои намерения людям, сидящим перед объективом камеры, неведомы, и это мое секретное правило. Они не понима-

ют мою ИГРУ. Я фотограф - и я не совсем фотограф. Я скорее физиономист, чем человек с фотоаппаратом. Так мыслит модель. Но я и не физиономист, я уже гораздо большее.

Мне интересны не столь эти женщины и мужчины в кадре, как доводка техники *вхождения* в чьи-то личностные закрома. Заманчиво вывести технологию на поток, тогда природа феномена, случайно открытого мною, станет еще понятней. Мне это знание принципиально важно. При этом я ощущаю себя Властелином ситуации, а безропотных натурщиков в моих «объятиях» - экспериментальными образцами, подопытными кроликами и мышками.

К моим циничным мыслительным выжимкам примешан скрытый прагматизм. Разумеется, это так. Но я ведь Исследователь. Открыватель Знания. И происходящее оправдано моей задачей.

9.

- ХОХМУ ХОЧЕШЬ?

- Хочу.

- Анекдот, да и только.

Скучающий без работы слесарь Юра, слоняясь по гаражу, поделился сплетней. Про то, как бухой (эка новость!) Пузырь забрел в гости к супружеской паре глухонемых.

Я сконцентрировал свое рассеянное внимание.

Юра извлек из кармана пачку «Примы»:

- Пили, пили…

Юрик раскурил свою вонючую «Приму» от моей «Беломорины»:

- Пойло кончилось…

Я сделал соответствующее выражение на лице.

- Мужик ушел купить еще вина.

Тут я напрягся.

- Пузырь полез на глухонемую.

(Ух ты.)

- Глухонемая что-то невнятно «мурлыкала» да лопотала…

(Пыталась вырваться.)

Заинтересованность на моем лице сменилась сдержанным ожиданием.

- Заморгала лампочка.

(У глухих лампочка вместо звонка.)

- На пороге муж с бухлом.

У меня зачесался нос.

- Глухая знаками растолковала мужу: дескать, гость такой-сякой! Козлина бухая! Свинья! - ее ИЗНАСИЛОВАЛ!

Здесь я засопереживал.

- И тут глухонемые взялись ругаться.

(Ништяк.)

- Ругаться - между собой.

(Уже горячо.)

- Пузырь сидел, сидел (а телек у глухих без звука). Сидел, сидел…(Телек без звука.) Да и заскучал Пузырь.

(Заскучаешь.)

- *Да пошли вы!* - распетушился Пузырь. - *На фиг! Козлы!*

- *Цирк,* - согласился я.

- *Разобиделся Пузырь. Встал - и свалил.*

(Пузырь сбрешет - недорого возьмет. Отдельные индивиды склонны преувеличивать.)

- *Пузырь сам рассказал,* - заверил Юра.

- *Теперь и я в курсАх, что телевизор у глухих без звука,* - сказал я.

10.

ГОЛУБЬ СОРВАЛСЯ и камнем выпал из вентиляционной трубы. Крылья болезненно скрючены, как бы заломлены.

Он уткнулся клювом в промасленный пол гаража и теперь лежит. Тут же опустился к нему другой сизый, затем еще один. Обе здоровые птицы нервно засуетились в полуметре от упавшего товарища.

Кругом хаотично перемещались рабочие люди, угрюмые КамАЗы сотрясали и отравляли дизелями воздух. Обеспокоенные птицы так и не решились подойти ближе к подранку. Затем они взлетели на подкрановый рельс и уже глазели оттуда.

Обреченный голубь остался один. Он сложил крылья, поднял голову. Подранок не мог встать на ноги и смотрел на происходящее смешение людей и механизмов смиренно. Казалось, он был спокоен. Я не ведаю его дальнейшую судьбу:

когда я вернулся с задания, на полу гаража его не было.

Смирение в глазах обреченной птицы впечатлило. И еще въелось в память беспомощное падение: как-то кубарем, как небрежно брошенная чьей-то холодной рукой ненужная кукла. Мертвое и живое соседствуют. От скорбного до восторженного только шаг.

Мы, люди, рождаемся в мире неидеальном. Но нас не удручает присутствующий монохром. Ведь мы существа, наделенные уникальным даром: мы все по сути художники, способные по собственным лекалам раскрашивать окружающий мир.

Я все о крылатых. Кстати, да. Я хотел бы договорить свой «трактат» о стезе писателя. Как я представляю.

Два простейших условия, чтобы стать Великим писателем. Два даровых совета от автослесаря.

Во-первых, надо написать Великое произведение.

Во-вторых, надо, чтобы кто-нибудь из Великих информировал публику, что ты писатель Великий. Что ты ого-го! Ты - перец!

Тогда, перелистав твой манускрипт (о, да, это Великая книга!), и посомневавшись (да он просто - перец!), публика и УВЕРУЕТ.

Вера - штука приобретенная. Кем-то навязанная. Этот монохромный мир требует постоянной психологической ретуши.

11.

ИНОГДА, когда есть пауза в работе, я удаляюсь в раздевалку и там, в уединении, записываю что-то услышанное в блокнот. Эту маленькую книжицу в пластиковой обложке я прячу в нагрудном кармане своей спецовки. Делаю это с осторожностью, скрывая от посторонних глаз свою вторую «работу».

ВАСЯ. *Кличка Поляк. Пьяница, алкоголик. Лечился в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий), имеет судимость, уверяет - за драку. Слесарь из него никудышный, только и годен что ключи подавать. От работы вечно отлынивает. Напивается резко, почти стремительно. Жена работает на аптечном складе: с того волшебного адреса и появляются в бригаде снадобья на спирту - муравьиный спирт, настойки календулы и боярышника. Последний ценится. Когда Поляк пьет, то вставляет в рот сразу два пузырька. Пьет каждый выходной. Культурный - почитывает художественную литературу. Когда трезвый, спокойный. По пьяной лавочке способен подраться. Друзей как таковых не имеет - только собутыльники. Ворует все: что плохо лежит и что неплохо лежит. Разведен с первой женой. Выплачивает алименты. Работать на стороне соглашается с радостью. Имеет какие-то связи в аптеках и магазинах. Имеет родственников за границей. Собирается покупать «Жигули». Бывший водитель. Не дурак. Панически боится увольнения по 33-й статье: лучше прогуляет, чем попадется пьяным на глаза ру-*

ководству. Азартными играми не увлекается. *Многое о себе не говорит. Темный товарищ, себе на уме.*

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ. И все же я не шпион. Я просто тот, кому интересно подглядывать за другими. Так я устроен. Таков мой ум. Я из категории тех, кому архиважно осмыслить увиденное. Здесь я естественен. Это генетическая черта. Это мое «Я» говорит во Мне. Такое любопытствующее «Я». Такое недремлющее. Возможно, я рожден, чтобы стать Наблюдателем. Ведь если мир существует, кто-то должен за ним присматривать. Ах да, мне возразят, скажут, что этой функцией наделен Бог. Тогда я у него побуду в помощниках.

12.

КСТАТИ, О РИТМЕ. Известно, что, кроме ритма, существует *темп*. И вот, тем, кто собирается заняться писательством, советы от автослесаря. Итак, погнали. Времени у нас вагон.

Для укомплектованности сидящего всей задницей на писательском поприще я рекомендую завести собаку. Во-первых, с собакой можно поговорить. Не то что с моим напарником. Интересно, куда он запропастился?

Но это еще не главное. Главное это когда вашей псине захочется по нужде. Вот тут-то и начинается любое художество. Объясняю на пальцах.

Вы гуляете с собакой, ваши шаги размеренны: топ - топ - топ. Это еще теория. Так вот. Если взять соответствующий

темп, в башке (не у питомца, конечно) начинают появляться мысли: хоп! хоп! хоп! Вроде прыщей на интимных местах. Это конец теории.

Почти вся мировая беллетристика создана благодаря домашним четвероногим, точнее, их биологической потребности ходит на двор. Никто об этом секрете не говорит. Это хлеб прозаиков.

А дальше - практика. Но. В данной экспозиции важен один нюанс. Имя ему - Темп. Это как метроном для сопливого ложкаря детской школы искусств. Так вот.

Если темп суетливый, в голове скопом объявятся (как претенденты на похороны нувориша) тупые мысли, и вы станете автором дубоватых сочинений. Это логика.

Если же темп прогулки заставляет питомца скучать, почитатели вашего литературного дара начнут пачками выпадать от зеленой тоски в осадок. Это диагноз.

Но придет светлое время, и ваше усердие вознаградится. Вот тогда вы и напишите умную книгу. Как великий немецкий сказочник Фридрих Энгельс.

Но, кажется, напарник вернулся. И мне пора.

Это были советы писателям от автослесаря. Мы еще к разговору вернемся. Времени у нас вагон.

13.

ПО УТРАМ я встаю со вздутым животом, так как обильная пища позднего ужина еще не переварена. Отупение за-

ставляет меня, только проснувшись, хвататься за папиросу. Я полутруп, мне кажется, что не выдержу долго и заболею.

От частого курения комок в легких. После папиросы - кофе. Затем откисаю под горячим душем. Болит по утрам спина, нередко - ссадины на руках. Но самое мерзкое живет в голове: ощущение, что тебя выжимают как мочалку, и платят за это так, чтобы ты только не подох, чтобы ты снова и снова примерял на шее лошадиный хомут.

Отупляющий режим труда. Двенадцатичасовая смена. Два дня вкалываем, два дня приходим в себя. Но, кстати, благодаря попеременному распорядку я имею возможность практиковать свою фотографию. Я то автослесарь, то фотохудожник. Веду двойную жизнь. А как хочется жить естественно!

14.

НА РАБОТЕ: первую часть дня ждешь обеда. Обед означает, что треть рабочего дня исчерпана. Потом дожидаешься семнадцати часов - времени большого перерыва. И остается потерпеть часа два-три в надежде, что мастер отпустит пораньше.

О работе не думаешь. Думаешь только про эти этапы дня. Неволя. По сути, вся трудовая общественная повинность и есть принудиловка. А стало быть, пролетарию, факт, терять нечего.

Взаимоотношения «личность-общество» на производстве

просты. По Марксу, рабочий - торговец рабочей силы. Из этого следует, что пролетарий - особь пассивная. Армия работяг живет и дышит по принципу минимальных энергозатрат.

В этой среде встречаются, конечно, и чудаки-новаторы. Но мы с Николаем к ним ни коим боком.

15.

ОДНАЖДЫ КОЛЬКУ принудили писать заявление на увольнение за систематическое нарушение трудовой дисциплины.

«Прошу уволить меня по собственному желанию по 33-й статье», - нацарапал коряво Колька.

Членов «пьяной комиссии» формулировка потешила. Не уволили. Подошли с пониманием.

Вернувшись в бригаду, Колька резюмировал: «Да они пьют больше меня!»

Кличка у Кольки - «Толстый». На работе одет в штаны, которые снизу основательно изодраны и потому представляют лохмотья. Вместо поясного ремня у Кольки Толстого хлопчатобумажный дамский чулок, изъятый из кучи ветоши. И этот экстравагантный аксессуар вечно свисает у Кольки из-под залатанной тут и там телогрейки. Грязный, промасленный свитер и пивной Колькин живот дополняют портрет.

Движения у Кольки ленивые, речь вялая, как у сонного. Лишнего Колек не переработает, скорее схитрит, растянет

работу, чем возьмется за новую. Себе на уме.

Любитель по возможности смыться пораньше с работы. Год уже как не пьет, но последнее время стал забываться, водочкой немного баловаться.

Наркологический стажа у Коляна 15 лет (с его же слов). Бывший *кусок* (иначе - прапорщик с окладом 100 рублей), уволен из армии за буйное пьянство. Армейские анекдоты у Николая его конек:

«Почему не побрился?!» - «Не успел». - «Меня не интересует, что ты не успел! Я спрашиваю, почему не побрился?!»

В моем обществе Николай тягостно молчалив. В окружении бывших собутыльников весел и словоохотлив. Заядлый телезритель. Романтических целей не имеет. Далеко не дурак. Хохмач по натуре, обожает подковырнуть других, это его развлекает. Любитель коверкать словечки, придумывать привычным словам аналоги. Хождение пешком (как способ передвижения) не признает. Ленив донельзя. К играм любого рода равнодушен. Не терпит домашних животных (с его же слов).

Колька только что вернулся к играющей по пятому кругу бригаде:

- Блины пошли, - подмечает Николай. Блины в мандавошке это плоские большие гайки, применяемые у нас в качестве шашек.

В ожидании конца перерыва Николай успевает рассказать

мне очередной анекдот:

«*Мама, жареной рыбы хотите?*» - учтиво обращается персонаж анекдота, вероятно, сынок. *«Хочу»,* - отвечает умиленно мама. *«Ну встаньте и пожарьте»,* - говорит сынок. *«Да где ж ее взять?!»* - разводит руками мама. *«Тогда лежите и не pizdite, МАМА».*

С Колькой мы проживаем в одном районе. Практически по соседству. С разницей в пару-тройку кварталов. В зависимости, какими дорожками пойти.

И вот как-то после рабочей смены, возвращаясь домой в компании с Николаем, разоткровенничался я. О высоких материях… (Черт меня как будто тянул за язык.) О смысле жизни…

Этот разговор оказался досадной оплошностью с моей стороны. К тому же необратимой. С того дня Колька Толстый стал то и дело в присутствии всей бригады меня шпынять. Тема оказалась для Кольки благодатной, она забавляла его. Тогда же Колька Толстый стал и автором моего прозвища - Гимназист.

Обеденный перерыв закончен, бригада расходится по рабочим точкам. С Николаем мы сегодня в паре.

- Ну, пошли работать, - обращаюсь к Николаю я.

- Иди… - бросает флегматично напарник. - За меня… Ты ведь знаешь, как я обожаю работать...

Дежурная фразеология. Приколист, твою маму.

Порой мне кажется, что Колька силится понять мою жиз-

ненную позицию. Но не под силу Кольке сия задача. И Николай как бы озлобился. На мои взаимоотношения с жизнью. Обозлился на самого себя за то, что ни черта не может мои взгляды принять, даже на себе примерить (не его размер).

Такая защитная реакция. Рефлекторное отторжение такое. Агрессивная рефлексия на чужое благополучие (на одежды с чужого плеча).

16.

ГАЗЕТА. БЫВШИЕ КОЛЛЕГИ. Мои глупые обиды на них.

Для них газета была рутинной работой. Для меня журналистика являлась творческим полигоном. Там я оттачивал собственные мысли, примерял на деле свои идеи.

Я придумал *свою* газету. Я придумал образ идеальной газеты. Я все сочинил... И потому мои переживания есть война моих грез с действительностью.

Окружающие рекомендуют мне приспосабливаться, пока позволяет возраст. Но это в корне противоречит природе Искусства. Художник не может приспособиться. Он вечно в конфликте. В противном случае он уже не Художник.

Я говорю о Художнике с большой буквы. Между Художником (с заглавной буквы) и художником (с буквы строчной) скрывается психологическая метаморфоза.

Состояние разногласия и подпитывает творческую одержимость. Адаптироваться - означает: к чему напрягаться?

Смысл теряется: ведь уже все в норме - ты приспособился.

Удел Художника - конфликт. И никаких гарантий на перспективу.

Художник - это состояние духа.

ХУДОЖНИК - ЭТО СОСТОЯНИЕ ВОИНА.

17.

МНЕ 42. СКОРО 43. Что я взял и сделал? Я пошел на капитальный риск. Я пошел ва-банк. Я пересилил свои страхи и сошел с привычной тропы. Я сошел к обочине, я теперь на обочине.

Я вижу, как летят мимо меня авто, я вижу, что скорости людей растут. А я? А я пошел ва-банк. На риск. Я пересилил свои страхи. Нет, я вовсе не спятил. Я просто прекрасно знаю: те летящие мимо меня люди в авто очень скоро найдут свой кювет. Я же, в отличие от них, найду свою колею.

18.

ГРУСТНО.

Вечерами тоскливо.

Человек - существо социальное.

В холодильнике бутылка «Столичной». И шмат колбасы. Захотелось Андреева угостить. Благо приятель проживает в соседней многоэтажке.

Короткий телефонный звонок, и вот мы с Игорем уже собрались. Чаевничаем (можно и так сказать). Интеллектуаль-

ный диалог двух не самых тупых (на этой кухне) людей.

- Пить хорошо - и не пить хорошо.

- А пить не будешь - с ума сойдешь.

- Верняк.

Когда-то с Игорем Андреевым мы трудились инженерами на большом заводе. Теперь ни Андреева, ни меня на том машиностроительном предприятии нет. Да и прежнего производства нет: перестройка завод аннулировала. В остатке только старая дружба, початая бутылка водки да обрывки воспоминаний.

Не с каждым человеком можно абстрагироваться от реальности и порассуждать на вольные темы. С Андреевым можно.

На повестке тема сложных людей. Тема второго «я». Начатая в ожидании моего напарника Кольки Толстого. Колька это персонаж из первой (наружной) жизни. Я в настоящий момент (на кухне) проживаю вторую (параллельную) жизнь.

Все-таки зануда я. Дотошный. Щепетильный. Предпочитаю во всем законченность.

Есть вещи, которые полезно проговаривать вслух, не держать в себе. При этом совсем не важно, на кого выговариваться. Хоть на икону. Хоть на свою собаку. Да хоть на телеграфный столб. Лишь бы слушатель тебе внимал.

- Ты когда-нибудь задумывался про сортность людей, Андреев? О человеческой разносортице? О сложных людях? И о людях простейших?

Андреев как слушатель - вариант идеальный. Он внемлет терпеливо. Не спорит, не лезет со своим «я» в пузырь. Он как бы самодостаточен: у него собственные тараканы в голове.

И вот мы уже на примере известного нам обоим персонажа «обсасываем» тему человеческой разноликости. Философствуем, если по-научному. Чешем языками, если попроще.

Трудился в нашей службе один человек. Безвредный чел. Сварщик по имени Юра. Как специалист, сварщик Юра вызывал всеобщее недоумение. Потому и запомнился. Запал, залип в памяти народной.

- А ведь Юрик на предприятии трудился не один год. За это время любая обезьяна научится, - подмечает Андреев.

- Любая научится, да не любая согласится на научение. Леность ума - она ведь программно зашита в физиологию, - направляю мысль в нужное русло.

- Термин «сортность» - цинично грубый: кому-то он покажется хамским. Ты понимаешь, Генуль, о чем я тут?

- Я понимаю. И соглашаюсь. Термин кому-то покажется оскорбительным. И все же: одни становятся «звездами», другие - бомжами. Что за сила разительно влияет на результат?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.